

Л. Л. Газиева

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

118

Затронуты полемические вопросы современной военной антропологии, в том числе методология исследований. Рассматривается использование антропологии как метода исторических исследований начиная с XIX в., включая новейшие разработки в этой области. Обсуждается проблема соотношения субъективного и объективного в предмете исторического исследования, предлагается продуктивное направление развития этой научной отрасли.

This article considers the contentious issues of modern military anthropology, including research methodology. The author focuses on the use of anthropology as a method of historical research since the early 19th century until today. The problem of correlation between the subjective and objective in the objective of historical research is analysed, a promising direction of development of this research field is suggested.

Ключевые слова: военная антропология, историческая психология, историческая память, психоистория.

Key words: military anthropology, historical psychology, historical memory, psychohistory.

Новейшие публикации в области военно-исторической антропологии позволяют отметить завершение первого этапа развития новой исторической теории. Методы исследования, которые предлагаются военной антропологией в истории войн, позволяют расширить границы предметной области и обнаружить стороны, которые до сих пор незаслуженно оказывались вне внимания многих исследователей. Бесспорной заслугой представляется пропедевтическое обобщение результатов развития нового направления Е. С. Сенявской [9]. Новый курс уже несколько лет читается студентам и магистрантам, обучающимся по специальности «История». Предметом военной антропологии выступают социально-культурное содержание войны, порожденное травмированной психикой ее участников, и его отдаленные последствия [9, с. 17–20]. Автор систематизирует подход к изучению войны как социально-исторического явления и дает теоретико-методологическое обоснование новой отрасли научного знания: определяет социально-культурное содержание войны, вводит понятие исторической памяти, поднимает проблему трансформаций исторического сознания в связи с геополитическими аспектами оценки войн и их результатов. Это одна из немногих

работ в отечественной историографии, в которой классифицируются личные исторические источники по истории войн (дневники, мемуары, воспоминания, интервью). Она дополняет сборник прикладных исследований в данной области и поэтому должна рассматриваться в совокупности с ним [5]. В этих двух книгах мы видим завершение первого этапа формирования научной отрасли, следовательно, продуктивная критика — это необходимое условие ее дальнейшего плодотворного развития.

На наш взгляд, о жизнеспособности вышеуказанной теории свидетельствует ряд поставленных в ее рамках проблем. Представляется полезным изложить ряд соображений, которые могут способствовать ее дальнейшему развитию. С этой целью позволим себе некоторые методологические рассуждения по поводу нового направления.

Антропология как наука сложилась еще в середине XIX в., и военная антропология образует ветвь от целого дерева антропологических исследований. Целесообразно посмотреть, как видоизменялся предмет этого направления на протяжении последних ста лет.

Предмет антропологии был определен Г. В. Ф. Гегелем как «природный дух» в непосредственном проявлении. Гегель пояснил этот предмет простыми примерами: природная душа несвободна, связана со своей телесностью, отсюда возникают ее конфликты и способы преодоления, которые могут доходить до сумасшествия [1, с. 38–41].

Эта идея Гегеля, как видим, легла в основу фрейдизма и взаимосвязанного с ним направления, получившего распространение в Европе и США в послевоенные десятилетия XX в.: историческая психология или психоистория [11]. В то же время фрейдизм и психоистория исходят из определения предмета психологии Гегелем («свободный дух», то есть дух творческий, проявляющий себя разумом и волей). Под волей понимаются нравственная привычка и правовой закон, выражающие содержание свободы. Частные потребности — внешнее окружение внутренней свободы — составляют ее антропологическую сторону [1, с. 326–327].

Всеобщей формой проявления такого духа, как разум, Гегель считал волю или право мировой истории, этапами которой становятся периоды развития духа отдельных народов, осознающих свою свободу и выражающих это осознание в правовой форме. Мировая же история — признание этой свободы международным правом [1, с. 365–366]. Иначе говоря, с позиций гегельянства предметом исторической психологии природный дух может быть только в том случае, если он рассматривается в процессе постижения своего нравственного, свободного творческого начала, которое выражается в правовых нормах. А предметом антропологии — те частные, природные потребности, которые являются внешней оболочкой, телесной жизнью правовых норм.

Логика науки Гегеля предлагает методологию поиска научной истины в области мировой истории, позволяющую исследователю преодолеть значительное количество социальных и природных трудностей. Он предложил различать такие способы научного постижения духа, как антропология, феноменология, психология (прежде всего для того, чтобы исследователь мог, пройдя все эти этапы познания, преодо-

леть собственные предрассудки и заблуждения). По мысли Гегеля, все три науки должны рассматриваться не порознь, а как взаимосвязанные этапы одного исследования.

Революционное содержание философского учения Гегеля о душе заключалось не только в определении ее материальной сущности, но и в переносе этой материальности из мира онтологического (рассматривающего объективную сущность души как пространственно-временные взаимосвязи) в мир социальный [1, с. 47].

Дальнейшие попытки вульгаризировать социальные науки привели к серьезным заблуждениям. В начале XX в. антропология под природностью своего предмета понимала ту основную форму, на которую обратил внимание Гегель: расовые отличия и их формирование под влиянием природно-климатических явлений [1, с. 60–66]. Как идеологическая подоплека фашизма расизм превратился в пугало, реакционное начало в гуманитарных науках.

Поэтому во второй половине XX в. предметом антропологии становится природное происхождение социокультурных различий. Здесь опять же идея Гегеля крайне противоречива: он рассматривал индивидуальность человека как природное своеобразие, которое стирается под воздействием общественного воспитания. Природными задатками индивидуальности, обладающими устойчивостью перед общественным воздействием, у Гегеля выступают талант и гениальность [1, с. 74–75]. Таким образом, предметом антропологии как исследования природной индивидуальной души оказываются талант и гениальность в своих естественных проявлениях, а также социальные конфликты между обществом и гением. Данный предмет позволил развиваться такой ветви антропологических исследований, как социальная антропология.

Гегель, зачиная основные направления нового развития наук, указывал на связь их предметов. Так, социальная сущность гения и таланта в том, что их формирование подчиняется законам разума и нравственной воли как осуществления свободы духа [1, с. 75–76]. Гегель связывал талант и гений в качестве предмета антропологии с чистым нравственным сознанием как предметом феноменологии.

Заметим, что феноменология как наука о нравственном сознании нуждается в самонаблюдении свободного разума. Редкость и диковинный характер этого явления до сих пор вызывают непреодолимые трудности, в силу которых феноменология остается в зачаточном состоянии. Талант и гений как предмет антропологии остаются предметом изучения конфликтологии, ограничивающей опыт своего исследования проблемой выживаемости нравственного чувства в условиях социальных конфликтов и потрясений [10].

Научное изучение субъективного духа во всех проявлениях Гегель считал предметом психологии. Следовательно, предмет антропологии и феноменологии оказался в области смежных исследований социальной психологии, в том числе исторической психологии, психоистории. Смещение данного предмета в область смежных наук определяет специфику современного этапа исследований, нацеленных на формирование нравственно-правовой парадигмы XXI в.

Эта ответственная задача связана с техническими возможностями современного человечества, значительно превосходящими все предыдущие эпохи. Уже первые войны XXI в. подтвердили исторический опыт, демонстрирующий, что технические новинки повышают жестокость войн, увеличивают количество жертв и порождают идеологии, оправдывающие чудовищное истребление человеческой культуры.

Другими словами, возвращение к гегельянству, поставившему проблему взаимозависимости природного, социального и нравственного становления души, вновь актуально. Таким неогегельянским исследованием выступает антропология войн.

Нужно отметить внимание зарубежных психотерапевтов, историков и философов к вопросам военной исторической психологии на рубеже XX и XXI вв. [12]. Существуют разнообразные методологические концепции мифологизации исторического сознания (исторической памяти) как следствия военной травмы. Опыт практических исследований в этой области привел к выводу о необходимости этических ограничений при интервьюировании людей с поствоенным синдромом из-за возможности повторной травмы [2, с. 207 – 234]. Одним из направлений совместных исследований российских и германских ученых в этой области стал структурно-функциональный анализ личных источников [6; 7].

В связи с этим хотелось бы выразить ряд полемических замечаний по поводу методологии военно-исторической антропологии.

На наш взгляд, следует уточнить одну из основных посылок военно-исторической антропологии о том, что психологические переживания авторов военных писем не меняются, являясь наиболее устойчивым психологическим фактором, независимым от случайных обстоятельств: «Оружие совершенствуется, человеческая природа остается без изменений... из чего следует вывод: доминирующие психологические характеристики участников военных действий универсальны...» [9, с. 99].

Возможность расширить границы исторического факта включением эмоциональных переживаний и их нравственных интерпретаций в познание имеет существенное значение. Однако следует заметить, что именно изменчивость этих переживаний составляет предмет историко-психологического или антропологического исследования. Требуется уточнить, что речь должна идти о потоках психических переживаний, которые меняются с разной скоростью, таким образом, они могут достигать относительно устойчивого состояния.

В исторической практике изменение социальных условий воздействует на характер частных переживаний, в том числе выражаемых военной перепиской. Так, придание тыловому населению статуса активного участника военных действий изменило характер переписки во время Великой Отечественной войны. Например, переписка велась организованно войсковыми подразделениями с детскими домами, в 1943 г. был введен институт патронажа сирот в СССР, который закрепил ранее имевшее место шефство войсковых частей над детскими домами. Войска получали подарки из тыла и наоборот. Значимость этих подарков была столь велика, что их распределение в 1942 г. регламентировалось

специальным приказом наркома обороны. На художественные феномены Великой Отечественной войны оказало влияние значительное количество военнообязанных женщин, которые не только сопровождали армию в медицинских частях, но и непосредственно участвовали в военных действиях как саперы, разведчицы, радистки, телефонистки.

Таким образом, социальные условия меняют характер частных переживаний, что особенно проявляется при контактах. Тогда же, когда такие переживания связаны с правовыми актами (патронаж военными частями детдомов в 1943–1945 гг., секретность советско-афганской войны в 1979–1987 гг. и т. п.), они становятся видимой оболочкой нравственной воли, привычкой, что порождает психологическую доминанту в общественных отношениях.

Историческая психология (и социальная антропология) как методологический подход к работе с историческим источником уже с конца XIX в. завоевала поле исторических исследований. Можно назвать таких крупных историков, положивших начало этим исследованиям, как Р. Коллингвуд, Т. Карлейль, В. О. Ключевский, М. Блок и другие. Дело в том, что, выявляя психические трансформации, эти методы позволяют профессиональному историку установить факт, скрытый в источниках. Разработка и методологическое обоснование такого подхода перечисленными авторами осуществлены еще в середине XIX – начале XX в. [4].

Одна из самых важных методологических проблем – сочетание объективного и субъективного при анализе документа. В связи с этим следует отметить, что историческая память как функция сознания включает в себя не только феноменальное, но и рациональное содержание исторического знания, которое предполагает скептическое суждение по поводу исторической самоидентификации человечества, народа и личности. Она также имеет мотивационное значение, стимулируя те или иные политические поступки людей.

Историческая память охватывает и элементы смещения смысловых значений (процесс мифологизации, контрсуггестии, соответственно теории Б. Ф. Поршневой [8]), и средства их коррекции. Адекватность исторического самосознания – необходимое условие устойчивых общественных отношений или мира [9, с. 252].

В то же время механизм мифологизации исторической памяти определен скрытым, подавленным социальным антагонизмом или протестом. Данный подход лежит в основе анализа социально-политических утопий. Связан с ним и философский аспект художественного осмысления психических феноменов времени и пространства.

Наиболее парадоксален феномен «разломанного времени». Выделение особо важных травмирующих моментов как наиболее запоминающихся – это не совсем точное определение этого феномена [9, с. 102]. Современные американские психоисторики, которые ввели это понятие в научный обиход, понимают его как образование лакун в сознании, в которых эти «значимые моменты» оказываются надежно упрятаны, забыты травмированной психикой, что и вызывает *residue* – вынужденное повторение травмы [12].

Заметим на полях, что анализ разнообразных хронотопов¹ военных мемуаров приводит к мысли, что преобладание субъективного над объективным в восприятии времени и пространства может рассматриваться как частные проявления умственного помешательства и нередко предшествует гибели человека от различных психосоматических расстройств.

Напротив, обострение «чувства времени и места» — суворовский глазомер — на войне необходимое условие успеха не только военной операции, но и личной безопасности, а также военного марша, броска или разведки, в которые может вовлекаться гражданское население: женщины, подростки, дети.

Анализ военного опыта исключительно как травмирующего, с эффектом «потерянного поколения», отделение в этом опыте войн неудачных от победоносных сужают границы исторической реальности, вне которых оказываются факты, свидетельствующие о прогрессивной деятельности поколений, переживших войны, в том числе неудачные [9, с. 130–142].

В данном случае способность воспринимать объективную непрерывность пространственно-временных взаимосвязей (трансцендентальную эстетику) можно считать доказательством объективной целостности души [1, с. 52–55; 3, с. 306–307]. Гегель, включивший феноменологию, психологию и антропологию в предмет философских исследований общественного сознания (философии Духа), в данном вопросе не противоречил И. Канту. Кёнигсбергский мудрец пространственно-временные формы считал универсалиями, в которых отливаются субъективные чувственные восприятия, превращаясь в этико-эстетические суждения. Целостность пространственно-временных отношений как универсальных коррелирует с субъективными переживаниями [3, с. 49, 54]. Это не противоречит философии Хайдеггера, полагавшего, что этические ценности, будучи нематериальными, возникают в паузах временных восприятий.

Введение человеческого фактора как значимого критерия войны утверждает современный гуманистический подход к важнейшим историко-правовым вопросам политики. Следует подчеркнуть важный вклад творческого коллектива единомышленников в разработку военно-антропологического направления. Хочется надеяться, что полемика анализ укрепит важный для исторической науки подход и будет способствовать продолжению работы в данной области.

В заключение заметим, что не можем не солидаризироваться с тем, что «конструктивная память о войне должна быть направлена не на обострение проблем и противоречий, а на утверждение ценности единства мира и согласия» [5, с. 708–709].

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3: Философия духа.

¹ Хронотоп – здесь тип художественного воспроизведения хронологической последовательности событий.

2. Гулина М.А., Цветкова Л.А., Ефимова И.А. Сознательные и бессознательные компоненты психологических последствий травмы военного времени у ленинградских детей, переживших блокаду и эвакуацию // Женщина и война: О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941 – 1944 : сб. ст. СПб., 2006.
3. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
4. Коллингвуд Р. Идея истории. М., 1980.
5. Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941 – 1945 / Н.А. Араловец [и др.] ; отв. ред. А.Н. Сахаров, А.С. Сенявский. М., 2010.
6. Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества : матер. и исслед. М., 2006.
7. Память о войне. 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / ред.-сост. М. Габович. М., 2005.
8. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
9. Сенявская Е.С. История войн России XX века в человеческом измерении: Проблемы военно-исторической антропологии и психологии : курс лекций. М., 2012.
10. Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941 – 1942 гг. СПб., 2011.
11. Brown N. Life against death. L., 1959.
12. Kennedy R. Psychoanalysis, History, and Subjectivity. Now of the past. Hove, 2002.
13. Kirschenbaum L. The legacy of the siege of Leningrad, 1941 – 95: Myth, memories, and monuments. Cambridge, 2006.

Об авторе

Людмила Леонидовна Газиева — канд. ист. наук, ст. преп., Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова, Санкт-Петербург.

E-mail: llghist@yandex.ru

About the author

Dr Liudmila Gazieva, Ass. Prof., First Pavlov State Medical University of St. Petersburg.

E-mail: llghist@yandex.ru